

Крупенченко Валентина Николаевна

К ВОПРОСУ О БАХУВРИХИ С АВСТРИЙСКОЙ МАРКИРОВАННОСТЬЮ

Статья посвящена рассмотрению семантико-стилистических особенностей посессивно-метонимических сложных слов (бахуврихи), характерных для австрийского варианта немецкого литературного языка. Уделяется внимание как трактовке самого термина, так и отличительным чертам композитов данного типа по сравнению с собственно немецкими образованиями. В статье анализируются структура и семантика лексических единиц с австрийской маркированностью, выявляется их национальная специфика.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 110-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, предложенная общая интересубъективная ментальная модель обеспечивает условия адекватного общения между коммуникантами и интерпретаторами, обработку и осмысление дискурса в феноменологическом пространстве МКК. Постоянное взаимодействие процессов, механизмов СРМД с когнитивными моделями (схемами, сценариями), функциональность которых составляет внеязыковую систему ментальной компетенции, позволяет глубже осмысливать НИД на различных уровнях, а также экономить когнитивные усилия и ресурсы, необходимые для его обработки.

Список литературы

1. **Барт Р.** Общество. Воображение. Реклама // Барт Р. Система моды: статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. С. 445-449.
2. **Демьянков В. З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.
3. **Котельникова Е. В.** Когнитивные лингвистические модели смешанного перевода в межкультурной коммуникации // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. Филология. СПб., 2011. Т. 5. № 1. С. 59-69.
4. **Котельникова Е. В.** Проекция искусственного интеллекта на когнитивные модели стилистики в смешанном переводе научно-инновационного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (11). С. 102-105.
5. **Пирс Ч. С.** Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000.
6. <http://www.analyst.ru/> (дата обращения: 20.09.2012).
7. <http://www.atlasti.com/> (дата обращения: 20.09.2012).
8. <http://www.promt.ru/> (дата обращения: 20.09.2012).

**COGNITIVE ASPECTS OF DISCOURSE COMPREHENSION OF MIXED VERBAL
AND COGITATIVE ACTIVITY OF INTERCULTURAL COMMUNICATION**

Evgeniya Vladimirovna Kotel'nikova

*Department of Linguistics and Intercultural Communication
Rostov State Economic University
jenni.kot@yandex.ru*

The author reveals the ideas and practical stereotypes of processing the scientific-innovative discourse of intercultural communication in the projection of artificial intelligence, suggests the multi-level model of discourse comprehension in cognitive-communicative paradigm that allows proceeding from the structure of scientific-innovative discourse to the inter-subjective mental picture of innovation representation, considers the technological tools of mixed verbal and cogitative activity, and formulates the necessary condition for adequate intercultural communication between its members.

Key words and phrases: cognition; comprehension; artificial intelligence; intercultural communication; mixed verbal and cogitative activity.

УДК 811

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению семантико-стилистических особенностей посессивно-метонимических сложных слов (бахуврихи), характерных для австрийского варианта немецкого литературного языка. Уделяется внимание как трактовке самого термина, так и отличительным чертам композитов данного типа по сравнению с собственно немецкими образованиями. В статье анализируются структура и семантика лексических единиц с австрийской маркированностью, выявляется их национальная специфика.

Ключевые слова и фразы: немецкий язык; австрийский национальный вариант немецкого языка; семантика; словосложение; бахуврихи; притяжательные экзоцентрические сложные слова; посессивно-метонимические лексемы.

Валентина Николаевна Крупенченко

*Кафедра немецкого языкознания
Филологический факультет
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
kрупенченко_val@mail.ru*

К ВОПРОСУ О БАХУВРИХИ С АВСТРИЙСКОЙ МАРКИРОВАННОСТЬЮ[©]

Известные с незапамятных времен словообразовательные модели могут оставаться продуктивными и сохранять свою актуальность на протяжении столетий, участвуя в образовании все новых лексем. В зависимости от условий их распространения эти словарные единицы проявляют определенные ареальные, стилистические или иные различия, наглядно демонстрирующие живую подвижность и яркое многообразие лексического состава языка, непрерывно обновляющегося на базе давно укоренившихся в его структуре

словообразовательных моделей. Рассмотрению одной из них и, в частности, модели «бахуврихи» в немецком литературном языке Австрии, посвящена данная статья.

Несмотря на то, что этот тип сложных слов известен как в немецком, так и в других германских языках уже очень давно, в отечественной и зарубежной лингвистической литературе его рассмотрению традиционно уделяется довольно мало внимания: соответствующая словообразовательная модель представляется редкой, изученной и прочно обосновавшейся среди других определительных сложных слов. Возможно, именно поэтому бахуврихи чаще упоминаются вскользь, чем становятся центральным предметом исследования. Хотя в любом лингвистическом словаре или справочнике можно найти определение этого языкового явления, дело редко идет дальше рассмотрения нескольких примеров, его иллюстрирующих [1, с. 326; 2, с. 469; 4, S. 60; 9, S. 82]. Незаслуженно мало работ касаются современного состояния этой части словарного состава немецкого языка, а особенности его национальных вариантов в рамках данной группы лексем не исследуются отдельно [5, S. 125; 6, S. 82]. Между тем данная словообразовательная модель не выходит из употребления (а в некоторых языках и остается продуктивной) по сей день и, следовательно, представляет собой немаловажный элемент структуры национального языка, а выбор составных компонентов и анализ конкретных случаев семантического переосмысления в основе лексем этого типа способствуют выявлению особенностей мышления его носителей, например, немцев и австрийцев. Бахуврихи с австрийской маркированностью представляют интерес для исследователя как в плане семантики, так и в плане структуры.

Бахуврихи (санскр. bahuvrīhi) – термин древнеиндийской грамматики и поэтики – это сложные слова со значением принадлежности, «выражающие обладание предметом или свойством, обозначенным посредством компонентов сложного слова» [2, с. 469]. Они называют человека или предмет по характеризующим его признакам, например, по части тела, по одежде. Само слово *бахуврихи* устроено именно таким образом: оно состоит из частей *bahu-* (обильный) и *-vrihi* (рис) и дословно означает «много риса». *Бахуврихи*, или *посессивно-метонимические сложные слова* [1, с. 326], – это особый вид определительных сложных слов, в немецкой традиции также именуемых *Possessivkomposita*, *possessiv-exozentrische Komposita* [10, S. 115], *Bahuvrihi-Komposita*. В. Фляйшер описывает подобные лексемы как сложные слова с детерминативными отношениями между компонентами, где второй из членов не выражает общего понятия, в рамки которого вписывался бы денотат [5, S. 125]. По определению словаря иностранных слов, бахуврихи – это «сложное слово, именуемое также посессивным (притяжательным) или экзоцентрическим, так как субъект определения находится за пределами данного сложного слова (напр., «хромоногий» – «человек, который хромает»)» [3]. Примерно в том же ключе выдержано большинство определений притяжательных композитов и в других отечественных и зарубежных источниках. При этом найти лаконичную и емкую дефиницию рассматриваемых сложносоставных лексем, отражающую все их характерные особенности, оказывается затруднительно: абсолютное большинство определений объясняют, главным образом, что представляет из себя экзоцентрическое сложное слово, оставляя на долю дополнительных комментариев пояснения, в чем проявляется их «притяжательность». Виною тому непростая структура бахуврихи, основанная одновременно на формальных словообразовательных и специфических лексико-семантических признаках.

Если понятие, обозначаемое эндоцентрическими сложными словами, соответствует понятию, обозначаемому второй частью лексемы, то с притяжательными экзоцентрическими словарными единицами дело обстоит иначе. Разделить такие сложные слова на составные части без изменения смысла невозможно. Хотя их компоненты точно так же находятся между собой в определительных отношениях, лексема в целом называет понятие, выходящее за рамки смыслового ядра каждой из входящих в рассматриваемую сложную лексему основ. Иными словами, если *Armbanduhr* – это разновидность часов – *Uhr* (то есть значение определяемой основы в общем соответствует значению слова), то *Grauschädel* – не «седой череп», а старик, человек с поседевшей головой. Очевидно, что в первом примере никаких смысловых преобразований не происходит и один компонент непосредственно определяет другой (*Uhr* – часы, *Armbanduhr* – наручные часы), в то время как во втором примере значение лексемы складывается на основании переосмысления «часть – целое» (*Schädel* – не череп, но субъект, им обладающий). Такая связь *pars pro toto* между значениями определяемой основы и сложного слова в целом типична для посессивных экзоцентрических лексем и является той самой отличительной чертой, на основании которой бахуврихи выделяются в отдельную словарную группу.

Определяемый компонент посессивно-метонимических сложных слов, таким образом, играет решающую роль в передаче общего значения лексемы, выражая целое через его часть. Как правило, в качестве такой основы выступают наименования частей тела и иногда органов человека или животного, реже – деталей одежды: *Dickkopf* – «dick» + «Kopf» – тугодум; *Fuchsschwanz* – «Fuchs» + «Schwanz» – хитрец, проныра; *Drehhose* – «drehen» + «Hose» – медлительный рабочий. В. Фляйшер и И. Барц уточняют также, что сложные слова с числительным в роли определяющего компонента (типа *Achtzylinder* – восьмицилиндровый мотор) к этой группе не относятся [5, S. 125].

Притяжательные сложные слова зачастую выступают в роли наименований лиц. Кроме того, они могут употребляться как обозначения растений и животных – в этом современные исследователи единодушны. Расхождение во мнениях возникает, когда речь заходит о сложных именах прилагательных, образованных по той же модели, что и рассмотренные выше имена существительные. В. Хенцен, один из немногих, кто останавливается на анализе посессивно-метонимических образований достаточно подробно, обращается к таким атрибутивным единицам с позиции диахронии. Выделяя вслед за Ф. Клуге притяжательные прилагательные данной словообразовательной модели в отдельный тип, исследователь подчеркивает, что в чистом виде он наблюдается лишь в ряде древне- и средневерхнемецких слов (как ahd. *langmuot langmütig*, *michilmuot großmütig*, *ursorg sorglos*, mhd. *wankelwitz wankelmütig*, *ebenteil teilhaftig*, *niuwetülle mit neuem Kragen*) [6, S. 79]. Скорее всего,

даже в прежние времена атрибутивная функция была для подобных прилагательных вторичной. В. Фляйшер и И. Барц называют адъективные притяжательные композиты языковым реликтом, приводя в качестве примера единственную лексему *barfuß* («имеющий босые ноги»), уточняя, что и она не употребляется в значении признака, как нормальное прилагательное, и в современном литературном языке заменяется дериватом на *-ig* (*barfüßig*) [5, S. 225]. Э. Доналис же решительно утверждает, что поскольку экзоцентрические образования своим вторым компонентом всегда имеют основу существительного, то и сами они всегда представлены исключительно этой частью речи [4, S. 61]. Экзоцентрические прилагательные, изначально представлявшие собой существительные с адъективной функцией, раньше преобладали, однако теперь безусловное преимущество в этой сфере принадлежит именам существительным. Так как абсолютное большинство сохранившихся притяжательных прилагательных соответствующего образца утратили типичные для бахуврихи признаки, в дальнейшем речь будет идти исключительно о субстантивных образованиях.

Заслуживает внимания вопрос о структуре рассматриваемых словарных единиц и характере их компонентов на материале австрийского национального варианта немецкого языка. Анализ опирается на восемьдесят шесть языковых единиц, полученных методом сплошной выборки по словарю Г. Йонтеса [7]. При этом не рассматриваются названия растений и животных, встречающиеся среди бахуврихи, так как они носят нейтральный характер и не проявляют того ярко выраженного своеобразия, которое наблюдается среди наименований лиц, как правило, эмоционально окрашенных.

Следует отметить, что никакой стандартной классификации посессивно-метонимических словарных единиц для немецкого языка не существует. Тем не менее, для их упорядочивания вполне применимы те же принципы, что и для всех определительных сложных слов. Если рассматривать современные бахуврихи с позиции ареального варьирования, уместно упомянуть классификацию Келлермайер-Ребайн, составленную на базе словаря под ред. У. Аммона «Variantenwörterbuch des Deutschen». Обращаясь поочередно к определяемому и определяющему компонентам сложного слова, автор последовательно отмечает возможность выражения каждого из них либо общенемецкой основой, либо основой, проявляющей ареальные отклонения в ономазиологическом или семасиологическом планах [8, S. 108].

Так как отношения между частями притяжательных экзоцентрических композитов имеют определительный характер, ключевая позиция здесь принадлежит вторым членам сложного слова, которые, за редкими реликтовыми исключениями, являются основами имени существительного: *Dickkopf* – упрямец, глупец, *Rotznase* – сопляк, соплячка, *Milchbart* – молокосос. Названные наименования лиц известны и употребительны не только в австрийском варианте, но и в собственно немецком литературном языке, однако существует множество случаев, в которых специфика австрийского словообразования проявляется ярко и неоспоримо. Возьмем хотя бы такие вторые компоненты, как *-pappe* или *-füdle*. *Pappe* – рот – синоним диалектального происхождения к слову *Mund*; точно так же *Füdle* – синоним к *Arsch* – задница. Обе лексемы в немецком языке Германии не встречаются (за исключением, может быть, южных областей). Соответственно, и сложные слова, образованные при их участии, ему едва ли известны: *Breitpappe* – шутливое обозначение большеротого или большеголового человека, *Ratschfüdle* – ябеда, доносчик (слово из школьного обихода), *Vollmondpappe* – шутливо-ироничное наименование круглолицего человека. В некоторых случаях австрийскую маркированную лексему может сообщать характерный аффикс определяемого компонента. Например, *Drecknase* – грязнуля (о ребенке; *Nase* – нос, с характерным южным суффиксом *-le*), или *Rotrückel* – букв. «красный сюртук» – бранное слово для обозначения судебного пристава, который раньше, подобно палачу, носил красное одеяние и исполнял обязанности, считавшиеся постыдными. В роли второго члена сложного слова здесь выступает название предмета одежды (*der Rock* – пиджак, сюртук), но, в отличие от общеупотребительной немецкой лексемы, обзаведшееся южным суффиксом *-(e)l*. Кроме того, своеобразие австрийских бахуврихи временами проявляется в самом выборе второго компонента. Если в Германии в качестве определяемого члена сложного слова чаще встречается лексема *Kopf* (голова), то в Австрии она нередко заменяется на *Schädel* (череп). Сравним: нем. *Graukopf* (старик) – австр. *Grauschädel*, нем. *Rotkopf* (рыжий, рыжик) – австр. *Rotschädel*, нем. *Stierkopf* (упрямец) – австр. *Stierkopf*, *Stierschädel*, нем. *Strohkopf* (набитый дурак) – австр. *Strohkopf*, *Strohschädel*.

По Келлермайер-Ребайн, это типичная, по своей сути, ситуация: определяемые компоненты в данном случае проявляют несомненное сходство семантики, основанное на отношении «часть – целое» (череп – голова) [ibidem, S. 168]. Стоит отметить, что второй компонент *-schädel* в принципе пользуется большой популярностью при образовании австрийских притяжательных экзоцентрических сложных слов и занимает среди них лидирующую позицию, насчитывая 18 единиц на почти девять десятков рассмотренных, что составляет 20,9% от общего числа. Правда, он лишь ненамного опережает элемент *-kopf* (16 единиц и 18,6% соответственно). На третьем месте располагается компонент *-arsch* (12 единиц, 14%). Далее за ними следуют, со значительным отставанием, *-nase* (6 ед., 7%), *-bauch* (5 ед., 5,8%), *-gesicht* (4 ед., 4,7%), *-bart*, *-maul* и *-schwanz* (каждое по 3 ед. и 3,5%), один-два раза встречающиеся *-pappe*, *-hirn*, *-bein*, *-hose(n)*, *-kropf*, *-füdle*, *-auge*, *-schnabel* и, наконец, элементы одежды *-rückel* и *-kragen*.

Что касается первого компонента посессивно-метонимических образований, то он может быть представлен как именными, так и глагольными основами. Наименее распространенными среди них являются последние: их обнаружилось всего 11 на почти девять десятков словарных единиц (12,8%). Глагольные основы первых компонентов представлены в таких лексемах, как *Plauderarsch* – болтун, тот, кто разбалтывает секреты (от *plaudern* – болтать, проболтаться), *Tattermaul* – болтун, пустомеля (от *tattern* – болтать, пустословить). Некоторые из соответствующих глаголов маркированы как австрийские и имеют диалектное происхождение: *Bleckarsch* – голопый (о ребенке, от диал. *blecken* «entblößen» – обнажать, заголять), *Püthelarsch* – злока; обозначение вспльщивого человека (от диал. *piützeln* – „sich wie ein Putz (böser Geist) benehmen“ [7, S. 57-58] – злобствовать, вести себя как

злой дух), *Brettelarsch* – обозначение особы женского пола, которая постоянно куда-то деловито спешит (от диал. *bretteln* – быть в пути, в движении, причем изначально – в башмаках с деревянной подошвой).

Несколько чаще в австрийском национальном варианте немецкого языка можно встретить бахуврихи, первый компонент которых выражен основой прилагательного: *Breitarsch* – иронично о широкозатом человеке (*breit* – широкий), *Gelbschnabel* – «желторотый» молокосос (*gelb* – желтый), *Heikelkropf* – привереда, разборчивый в еде человек (диал. *heikel* – привередливый, капризный; второй компонент *Kropf* (зоб) употребляется здесь не как название болезни, а как синоним к слову *Hals* – шея). Посессивно-метонимические композиты такой структуры составляют 20,9% от общего числа (18 лексем).

Преимущество среди определяющих компонентов притяжательных сложных слов безраздельно принадлежит основам имени существительного: *Bauernmarsch* – грубое обозначение деревенщины (*Bauer* – крестьянин), *Fleischbauch* – мясоед, любитель поесть мяса (*Fleisch* – мясо), *Gipskopf* – дурак (*Gips* – гипс), *Nudelauge* – болван, тупица (*Nudel* – лапша, вермишель) и др. Такие лексемы составляют более половины от общего числа (57 единиц, 66,3%).

Особенно отчетливо демонстрируют австрийскую специфику те словарные единицы, в составе которых задействованы обозначения местных реалий. Так, *Praterbein* – проститутка низшего класса, ищущая клиентов в венском увеселительном парке Пратере. В данном случае в роли первого компонента выступает не просто основа существительного, но еще и имя собственное – название популярного венского парка. Другой пример – *Golatschengesicht* – обозначение круглолицего человека. Здесь первый компонент, также являющийся основой существительного, представлен заимствованием из чешского *kolač* – калач, то есть выпечка округлой формы. Несомненным своеобразием, помимо этого, отличаются лексемы, первый компонент которых выражен типично австрийскими (иногда также распространенными в южнонемецком ареале) словарными единицами: *Erdapfelschädel*, шутливо употребляющееся венцами для обозначения выходцев из Нижней Австрии, своим определяющим компонентом имеет австрийский аналог немецкого *Kartoffel*, а *Schottenbauch* – ироническое наименование жителей городка *St. Anton* в Монфатоне (горнолыжный регион в Форарльберге) – диалектную форму названия творога (ср. нем. *Quark* и австр. *Topfen*).

Интересно, что зачастую имена существительные, которыми представлен первый компонент притяжательных экзоцентрических сложных лексем, в свободном употреблении относятся к гастрономической сфере (*Fleisch*, *Nudel*, *Erdapfel*, *Schotten*, *Golatsche*, *Rüben* в *Rübenschädel* – болван) либо обозначают животных или птиц: *Saubauch* – подлец, плут, недостойный человек, *Sauschädel* – дурак, грубиян (*Sau* – свинья), *Schafbauch* – глупец, *Schaf(s)nase* – глупец или человек с большим носом (*Schaf* – овца), *Scherenschädel* – черноволосый человек (ю.-нем. *Scher* – крот), *Fuchsschwanz* – лстец, интриган (*Fuchs* – лиса), *Mauskopf* – вор, негодяй (*Maus* – мышь), *Hennenfüdle* – кулёма, медлительный сельскохозяйственный работник (*Henne* – курица), *Spatzenhirn* – болван, олух, *Spatzenkopf* – дурак, наивный деревенщина (*Spatz* – воробей). Вероятно, такой выбор определяющего компонента обусловлен стремлением придать лексеме больше эмоциональной выразительности в совокупности с негативным оценочным элементом, так как соответствующие названия представителей животного мира сами по себе вызывают стойкие ассоциации с определенными человеческими качествами, будь то хитрость, глупость или отталкивающая наружность.

Нередко самобытность австрийских маркированных посессивно-метонимических сложных слов проявляется в нестандартном объединении двух общенемецких основ, образующих специфические, не свойственные немецкому литературному языку словарные единицы: *Arschgesicht* – презрительное обозначение круглолицего, круглощекого человека или человека с невыразительными, пустыми чертами лица, *Betonkopf* – рус. «чугунная голова», пренебрежительное наименование твердолобого, упрямого субъекта, прежде всего политика; *Bleiarisch* – название неповоротливого, грузного, инертного человека, *Flaschenkopf* – обозначение бездельника, никчемного типа, но также и веселого малого.

На основании всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1) Несмотря на многообразие терминов, используемых для обозначения данного языкового явления, бахуврихи представляют собой устоявшуюся в языке, но все еще продуктивную словообразовательную модель.

2) Посессивно-метонимические сложные слова не так редки, как принято считать, и широко используются в речи как эмоционально окрашенные наименования лиц.

3) По своей структуре бахуврихи принадлежат к определительным сложным словам. Их компоненты в целом имеют те же особенности, что и компоненты прочих детерминативных композитов, и также демонстрируют специфические черты при ареальном варьировании. Определяемая основа, как правило, представлена основой имени существительного, определяющая – основами имени существительного, прилагательного и глагола. Среди австрийских лексем этого типа определяющие основы существительного преобладают, глагольные представлены в наименьшей степени.

4) С позиции ареального лексико-семантического варьирования каждый компонент бахуврихи с равным успехом может быть представлен как общенемецкой, так и чисто австрийской основой, либо сочетанием общенемецкого корня с австрийским словообразующим аффиксом. Национальная специфика также может проявляться в нестандартном сочетании двух общенемецких основ.

5) В то время как спектр основных компонентов посессивно-метонимических сложных слов ограничен самой словообразовательной моделью, их определяющие компоненты демонстрируют широкое разнообразие. Некоторые из них могут быть объединены в группы на основании семантического критерия (местные реалии, понятия из гастрономической сферы, обозначения животных и птиц).

Используя древнюю словообразовательную модель, австрийский национальный вариант немецкого языка не прекращает порождать новые самобытные словарные единицы, своеобразие которых проявляется не только на

структурном, но и на лексико-семантическом уровне. Хотя большинство бахуврихи, употребительных в немецком литературном языке, распространены и в его австрийском национальном варианте, обратное утверждение не будет верным. Можно говорить о том, что число таких лексем в австрийском варианте немецкого языка превосходит число соответствующих образований общенемецкого языка. Немалое число лексем и нестандартный подход к выбору сочетаемых основ свидетельствуют о большом творческом языковом потенциале австрийцев и в очередной раз подчеркивают их любовь к ярким и затайливым наименованиям лиц и предметов.

Список литературы

1. Левковская К. А. Немецкий язык. М.: Издательство Московского университета, 1960. Ч. I. 382 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
3. Словарь иностранных слов [Электронный ресурс] / ред. Н. Г. Комлев. М.: ЭКСМО, 2006. 672 с. URL: <http://www.inslov.ru/html-komlev/b/bahuvrihi.html>
4. Donalies E. Basiswissen Deutsche Wortbildung. Tübingen - Basel: A. Francke Verlag, 2007. 137 S.
5. Fleischer W., Barz I. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2007. 382 S.
6. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1965. 314 S.
7. Jontes G. Das österreichische Schimpfwörterbuch. Graz: Leykam, 2009. 408 S.
8. Kellermeier-Rehbein B. Areale Wortbildungsvarianten des Standarddeutschen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2005. 290 S.
9. Lohde M. Wortbildung des modernen Deutschen. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. 350 S.
10. Ortner L., Gärtner H. Deutsche Wortbildung. Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Berlin - New York: Walter de Gruyter, 1991. Vierter Hauptteil. Substantivkomposita. 863 S.

ON QUESTION OF BAHUVRIHI WITH AUSTRIAN MARKEDNESS

Valentina Nikolaevna Krupenchenok

Department of German Linguistics

Faculty of Philology

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

krupenchenok_val@mail.ru

The author considers the semantic-stylistic features of possessive-metonymical compound words (bahuvrihi) typical of the Austrian sublanguage of the German literary language, pays attention to both the interpretation of the term, and the distinctive features of composites of this type as compared to the proper German formations, analyzes the structure and semantics of lexical units with the Austrian markedness, and reveals their national specificity.

Key words and phrases: German language; Austrian national sublanguage of German language; semantics; word composition; bahuvrihi; possessive exocentric compound words; possessive-metonymical lexemes.

УДК 811.161.1'276.6: 378.147

Педагогические науки

В статье рассматривается проблема коммуникативной организации текста для студентов инженерно-технического профиля, изучающих русский язык как иностранный. Анализируются фрагменты междисциплинарного учебно-методического материала «Язык электротехники», в том числе обучающие задания, направленные на овладение умениями и навыками эффективного чтения профессионального текста, а также самостоятельного его продуцирования. Описан опыт разработки дидактических материалов по русскому языку как иностранному с учетом учебно-профессиональной деятельности учащихся. Показана ее обусловленность функционально-когнитивной спецификой языковой коммуникации инженеров и необходимостью учитывать когнитивные предпочтения учащихся.

Ключевые слова и фразы: русский язык как иностранный; инженерно-техническая коммуникация; инженерный когнитивный стиль; язык электротехники; коммуникативный фокус.

Наталья Владимировна Курикова, к. филол. н., доцент

Кафедра русского языка как иностранного

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

nativanovac@mail.ru

**КОММУНИКАТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТЕКСТА
ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ В ДИДАКТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ
(НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА ПО ОБЩЕЙ ЭЛЕКТРОТЕХНИКЕ)[©]**

В техническом вузе преподавателю языка важно знать, что основные принципы организации гуманитарного и технического мышления не совпадают и инженерная деятельность в речевом выражении имеет иные